

«Башаринский» план Пушкина **(из комментариев к «Истории пугачевского бунта»** **и «Капитанской дочке»)¹**

Тимур Гузаиров (Тарту, Тартуский университет)

Пушкин начал работать над «Историей Пугачева» в январе 1833 г. Практически одновременно у него возник замысел написать историческую повесть («Капитанскую дочку») и чисто исторический труд («История Пугачева»). Для работы необходимо было получить доступ к подлинным документам эпохи «пугачевщины».

6 февраля 1833 г. Пушкин оставил работу над повестью «Дубровский» и около 7 февраля обратился к военному министру графу А. И. Чернышеву с просьбой разрешить ему ознакомиться с материалами из подведомственного министру архива Главного штаба, касающимися биографии генералиссимуса графа А. В. Суворова-Рымникского. Как известно, Суворов по приказу графа П. И. Панина должен был участвовать в подавлении мятежа и приезжал в Яицкий городок, где видел Пугачева. 9 февраля Пушкин послал Чернышеву реестр необходимых ему документов из архивов Главного штаба, а уже 25 февраля получил первые три тома архивных документов (до этого времени он вчерне набросал краткий очерк биографии Пугачева на основе лишь печатных источников). Работа с присланными материалами, относящимися к Секретной экспедиции Военной коллегии, обусловила создание очередного плана исторической повести. Теперь главным героем был не Шванвич, как в ранних планах, а капитан Башарин.

Прокомментируем первое предложение нового плана: «Пощажен Пугач^{<евым>} при взятии крепости, [произведен им капитаном и отряжен] с отдельной партией в Синбирск под начальством одного из полковников Пугач^{<ева>}» [Пушкин, VIII (2): 928]. Из контекста вытекает, что Башарин присягнул Пугачеву («произведен им капитаном»), хотя об этом прямо не сказано. Источником сведений о Башарине послужили показания фурыера Тобольской губернской роты И. И. Панова². Эта сцена воспроизводится в четвертой главе «Истории Пугачевского бунта»³ (далее в тексте — ИПБ) и также отразится в седьмой главе «Капитанской дочки» (далее — КД).

Остановимся на эпизоде взятия Пугачевым Белогорской крепости в КД. Комендант крепости Иван Кузмич и гарнизонный поручик Иван Игнатич, сохранившие верность императрице, были казнены. Гринев готовится также достойно принять смерть — и в последнюю минуту оказывается помилованным. Важно отметить: реальный Башарин был острижен в кружок по-казацки — знак, маркирующий измену присяге императрице и переход на сторону самозванца. В КД Пушкин наделил этой визуальной деталью Швабрину:

<...> увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошел к Пугачеву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» — сказал Пугачев, не взглянув уже на меня [Пушкин, VIII (1): 325].

Поведение Швабрина отсылает к другому эпизоду из ИПБ — к сцене взятия крепости Осы и предательства подпоручиком Минеевым своего боевого товарища капитана Скрипицына. Эти сведения Пушкин почерпнул «Из краткого известия о злодейских действиях Пугачева, собранного Платоном Любарским, Архимандритом Спасо-Казанским», а также из тех биографических материалов, которые ему прислал Дм. Бантыш-Каменский. Капитан Скрипицын, истощив силы к сопротивлению и по просьбе изнуренных голодом жителей, сдает самозванцу крепость Осу. Пугачев прощает его и оставляет при нем шпагу:

Несчастный, думая со временем оправдаться, написал, обще с капитаном Смирновым и подпоручиком Минеевым, письмо к казанскому губернатору и носил при себе в ожидании удобного случая тайно его отослать. Минеев донес о том Пугачеву. Письмо было схвачено, Скрипицын и Смирнов повешены, а доносчик произведен в полковники [Пушкин, IX (1): 60–61].

Различие позиций Пушкина и Бантыша-Каменского состоит в разной этической оценке действий Скрипицына. Капитан, сдавший крепость, вынужденный служить Пугачеву, но стремившийся и в этой ситуации быть полезным законному правительству, удостоился высокой оценки Бантыша-Каменского. Историк утверждает: «Верные Россияне бедственно кончили жизнь свою, заслужив похвалу современников и потомства» [Бантыш-Каменский: 70]⁴. Пушкин, повествуя о судьбе Скрипицына, сочувствует ему, но отказывается от апологетического вывода.

При работе над ИПБ и КД вопрос о возможности прощения для нарушившего присягу офицера оставался важным для Пушкина. Приведем две заключительные фразы из «башаринского» плана повести: «Он спасает отца своего, который его не узнает. Является к Михельсону, который принимает его к себе; отличается против Пугач<ева> — принят опять в гвардию» [Пушкин VIII (2): 928]. В отличие от первой, вторая часть плана основана на авторском вымысле. Реальный Башарин погиб в стычке с правительственными войсками [Оренбургская энциклопедия: 37].

Согласно «башаринскому» плану, повесть должна была рассказать о герое, который стремился избавиться от произнесенной им вынужденной, порочащей его честь присяги и который затем заслужил прощение и вернулся на сторону правительства. Такая фабула лежит в основе высоко оцененного Пушкиным романа М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829)⁵. Присягнувший Владиславу, сыну польского короля Сигизмунда, главный герой Юрий переживает личную драму, когда он как посол пана Гонсевского не может примкнуть к русскому ополчению в Нижнем Новгороде. Однако автор дает читателю намеки,

что при известных обстоятельствах и должных поступках герой может быть освобожден от неправильной присяги. Спасенный из заточения Юрий Милославский становится послушником Авраамия Палицына, который освобождает его от клятвы Владиславу и отправляет в ополчение к князю Пожарскому.

В этом историко-литературном контексте интересно задаться вопросом: почему Пушкину важно было привести Башарина именно к Михельсону, под командованием которого герой восстановил свою честь? Обусловлен ли выбор автора *исключительно* историческими фактами, тем, что Михельсон был талантливым полководцем и одержал важнейшие военные победы? (Во время мятежа Михельсон был только полковником и подчинялся сначала генерал-аншефу А. И. Бибикову, затем генералу П. И. Панину.)

Обратимся к фигуре И. И. Михельсона и сопоставим его образ в ИПБ с изображением других полководцев. Сведения о своих главных героях Пушкин приводит не только в основном тексте сочинения, но также в примечаниях. Как отбор фактов, так и наличие или отсутствие биографического примечания служат оценочным критерием, способом выражения авторской точки зрения. Пушкинские примечания, относящиеся к В. А. Кару, А. И. Бибикову, П. И. Панину, И. И. Михельсону, объединены общей темой — размышлениями о долге и чести, о славе и месте полководца в истории⁶.

14 октября 1773 г. Екатерина II назначила генерал-майора В. А. Кара командующим военной экспедицией, направленной на подавление пугачевского бунта. Кар, однако, не оправдал ожиданий. После поражений он впал в уныние, оставил армию и вернулся в Москву, вызвав гнев императрицы. Как следствие, генерал был уволен со службы, после чего покинул Москву и уехал в деревню. В третьей главе заключительное упоминание генерала Кара сопровождается отсылкой (цифрой 22) к примечанию, которое, однако, оказывается «пустым», т. е. не содержит никакого текста. С точки зрения Пушкина, генерал-майор Кар, пренебрегший законами чести, был обречен на историческое забвение и не заслужил биографического примечания.

Фигура А. И. Бибикова является узлом, в котором сосредоточены пушкинские ключевые представления о чести, славе, памяти в истории. Пушкин посвятил Бибикову два примечания. Во втором примечании поэт привел письмо Г. Р. Державина к императрице, где была дана самая высокая оценка личности генерал-аншефа. В первом примечании Пушкин процитировал отрывок из оды Г. Р. Державина «На смерть Бибикова». Введенный в примечание державинский фрагмент отражает пушкинскую оценку личности Бибикова. Это поэтический памятник достойному историческому бессмертию полководцу, умершему при исполнении служебного долга.

В глазах современников славу «низложителя Пугачева» заслужил генерал П. И. Панин. Поэзия («Станс Граду Синбирску на Пугачева» А. П. Сумарокова, отрывок из «Эпистолы...» Державина⁷ и др.) формировала образ Панина как героя и защитника государственности. Во втором томе ИПБ был опубликован рескрипт Екатерины II, который утверждал военные заслуги Панина в глазах современников [Пушкин IX (1): 195].

Пушкин противопоставляет свою позицию официальной: это вытекает из соположения текста примечания и опубликованного во втором томе документа. В отличие от «бибиковского» примечания, автор не процитировал ни одной строчки из какого-либо поэтического сочинения, прославлявшего подвиги Панина. На уровне композиции и содержания примечаний Пушкин вводил противопоставление между Бибиковым и Паниным.

В «панинском» примечании поэт конструирует сюжет о честолюбивом воине, стремящемся исключительно к личной славе. Он тщательно выбирает детали для панинской биографии, выстраивая ее как цепь карьерных успехов, военных наград и побед. В работе Пушкин использовал сведения из готовившегося биографического «Словаря достопамятных людей...» Дм. Бантыша-Каменского, ссылки на некоторые материалы содержатся в примечаниях ИПБ. (Первые пять томов были изданы в 1836 г.) Важной темой в биографии полководца является его отношение к телесной немощи. Сравним официальную и пушкинскую версии отставки Панина:

Бантыш-Каменский: Победы Графа Петра Ивановича доставили ему от признательной Монархини военный орден Св. Георгия первой степени; но усилившаяся подагрическая болезнь, которою он страдал будучи еще полковником, заставила его просить об увольнении со службы. Императрица с большим огорчением изъявила на то согласие [Бантыш-Каменский: 7–8].

Пушкин: 1770 взятъ им Бендеры; в том же году вышел он в отставку [Пушкин IX (1): 116].

Панин, как известно, рассчитывал на более серьезные награды за взятие Бендер. В фельдмаршалы Екатерина II произвела, однако, графа П. А. Румянцева-Задунайского (за взятие Браилова). Поэт не привел ни истинной причины, ни панинского объяснения отставки, поставив этим саму болезнь под сомнение и указав читателю на конфликт между генералом и императрицей.

Если Панин, согласно Пушкину, служит исключительно ради славы, то Бибиков — ради долга. Только человек чести, самоотверженно выполнивший свой долг, оказывается достойным вечной славы в Истории — поэтому в ИПБ приведены поэтические строки Державина, обращенные только к Бибикову.

Подполковника И. И. Михельсона Пушкин изображает как идеального продолжателя дела Бибикова и носителя высоких нравственных качеств. В отличие от панинского примечания, перечисление карьерных достижений Михельсона отсутствует, при этом подчеркнуто: «Под его начальством находился в начале славной службы своей князь Варшавский» [Пушкин, IX (1): 115]. Любимый полководец Николая И. Ф. Паскевич-Эриванский, как известно, сменил И. И. Дибича-Забалканского на посту главнокомандующего и подавил польское восстание 1830–1831 гг. Как отметил Ю. М. Лотман, для Пушкина была важна идея преемственности, растворения личности в истории [Лотман: 115]. С этой точки зрения Михельсон, неукоснительно исполняющий свой долг и следующий правилам чести, ста-

новится примером и центральной (наравне с Бибиковым) фигурой. В основном тексте ИПБ поэт, однако, подчеркнул:

История должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную Светом: утверждали, что Михельсон мог предупредить взятие Казани, но что он нарочно дал мятежникам время ограбить город, дабы в свою очередь пожить в богатую добычею, предпочитая какую то ни было прибыль славе, почестям и царским наградам, ожидавшим спасителя Казани и усмирителя бунта! [Пушкин, IX (1): 67]

Михельсон предстает как трагическая фигура — оклеветанным и не оцененным из-за этого по достоинству современниками и потомками. Общественное отношение к подполковнику Пушкин маркировал минус-приемом, не приведя хвалебных державинских строк из «Эпистолы к генералу Михельсону на защищение Казани».

Историческая память о личности является одной из главных тем в размышлениях Пушкина 1830-х гг. Оценка Михельсона, его изображение в ИПБ были связаны с размышлениями поэта о судьбе Барклая-де-Толли, которые отразились в стихотворении 1835 г. «Полководец» (см., например: [Эткинд: 326–346]).

К раздумьям о месте Михельсона в истории и в общественном сознании Пушкин вернулся в преддвуальные дни. 25 января 1837 г. генерал К. Ф. Толь, высоко оценив ИПБ, подчеркнул в письме к поэту:

Кроме многих подробностей, до сих пор бывших в неизвестности, я с удовольствием видел в вашей книге, что Михельсон был главным виновником <усмирения> сего важного возмущения; в чем однако современники его не хотели отдать ему справедливость. Я пользовался лично доверенностью генерала Михельсона, ибо в чине подполковника был я в качестве генерал-квартирмейстера в командовавшей им армии в 1806, 1807 и 1808 годах — он в беседах своих со мною часто рассказывал мне о его действиях против Пугачева и горько жаловался на интриги, которыми хотели затмить его службу. — Здесь невольно вспоминаю я о стихе Державина: — «Заслуги в гробе созревают», так и Михельсону история отдает справедливость [Пушкин, VIII: 219].

26 января 1837 г. Пушкин в благодарственном письме отметил:

Не менее порадовало меня мнение Вашего сиятельства о Михельсоне, слишком у нас забытом. Его заслуги были затемнены клеветою <...>. Жалею, что не удалось мне поместить в моей книге несколько строк письма Вашего для полного оправдания заслуженного воина [Пушкин, VIII: 224].

Одну из важнейших своих задач Пушкин видел в восстановлении репутации достойной уважения личности. В этой связи обратим внимание на некоторые черты поэтики КД.

Как указал А. Л. Осповат, в повести реальные исторические лица — А. И. Бибинов и П. И. Панин — присутствуют имплицитно [Осповат:

47–52], а комендант Оренбурга генерал Иван Андреевич Рейнсдорп, прототип пушкинского персонажа, назван генералом Андреем Карловичем Р. Наряду с Пугачевым и Екатериной II только князь Голицын и полковник Михельсон прямо названы в КД⁸. В тринадцатой главе в единственной фразе Пушкин констатирует: «Пугачев бежал, преследуемый Иван Ивановичем Михельсоном» [Пушкин VIII (1): 364]. Это краткое упоминание представляется смыслообразующим.

В КД действуют двое военных из немцев: генерал Андрей Карлович Р. и Иван Иванович Михельсон. Кроме Михельсона есть еще три героя с именем Иван: офицер Иван Иванович Зурин, комендант Белогорской крепости Иван Кузмич, гарнизонный поручик Иван Игнатьевич. Эти соименные персонажи не лишены недостатков, но наделены высоким нравственным достоинством. Иван Кузмич и Иван Игнатьич, не изменив присяге, достойно умирают, Зурин верно служит императрице. В пропущенной главе КД именно этот персонаж (но под другой фамилией) спасает из плена главного героя, его родителей и Машу.

В окончательном тексте *генерал Р.* назван Андреем Карловичем, этот персонаж сближен с отцом Гринева Андреем Петровичем (они, как известно, вместе служили и были старыми друзьями). Однако в черновике *генерал Р.* именуется Иваном Карловичем [Пушкин VIII (2): 920]. Изменив имя героя, Пушкин исключил *генерала Р.* из ряда «военных Иванов», которые не уронили своей чести и повели себя достойным образом в кризисной ситуации. *Генерал Р.*, постоянно твердящий о военной дисциплине, избирает при обороне Оренбурга проигрышную оборонительную тактику, что приводит к осаде города. (На собрании у *генерала Р.* Гринева предлагал наступательную тактику⁹, которая для читателя ИПБ ассоциировалась с именем Михельсона.)

В КД упоминанию Михельсона предшествует въезд Гринева в сожженную Казань, осада которой была снята в результате смелых действий полководца. В черновом варианте перед именем Михельсона стоит эпитет «храбрый» [Пушкин VIII (2): 918], обозначающий то качество, которое отличает полковника от *генерала Р.*

Пушкинский прием — выбор имени и отчества для генерала-немца Андрея Карловича Р. — ввел случайный дополнительный акцент. Среди военных николаевской эпохи в турецкую войну 1828–1829 гг. отличился будущий инженер-генерал-лейтенант, а в то время скромный инженер-прапорщик Андрей Карлович Роде. Если пушкинский генерал по собственной вине оказался осажденным в городе, то немец-инженер Роде, наоборот, участвовал в осаде крепости Силистрия, за что был награжден главнокомандующим армией орденом Св. Анны 3-й степени с бантом. Это возникшее случайно противопоставление двух военных усиливает авторскую иронию по отношению к герою КД и также указывает на имеющуюся в повести типологию немцев-командующих.

26 января 1835 г. к письму к Бенкендорфу Пушкин приложил «Замечания о бунте», адресованные Николаю I. В «Общих замечаниях» поэт резюмировал свои главные мысли, одна из которых была следующей:

Все немцы, находившиеся в средних чинах, сделали честное свое дело: Михельсон, Муфель, Диц, Деморан, Дуве etc. Но все те, которые были в бригадирских и генеральских, действовали слабо, робко, без усердия: Рейнсдорп, Брант, Кар, Фрейман, Корф, Валленштерн, Билов, Декалонг etc. etc. [Пушкин IX (1): 375].

Личный выбор между трусостью и храбростью был для Пушкина тесно связан с вопросом о сохранении или утрате офицерской чести, доброго имени — что отразилось в характере номинации героев КД: генерал Р. или Иван Иванович Михельсон.

Фигура Михельсона оказалась одной из точек идеологического сопряжения ИПБ и КД. Согласно моему предположению, упоминание в КД полковника Ивана Ивановича Михельсона под полным именем является, с точки зрения автора ИПБ, памятником недооцененному, оклеветанному полководцу¹⁰. Представляется закономерным и важным то обстоятельство, что в «башаринском» плане КД Пушкин привел отказавшегося от присяги и стремившегося впоследствии восстановить свою честь героя именно к полковнику И. И. Михельсону, истинному образцу исполнения долга.

Примечания

- Предложенная статья продолжает цикл работ, посвященных комментированию «Истории Пугачевского бунта» А. С. Пушкина. См.: [Гузаиров 2010а; Гузаиров 2010б; Гузаиров 2011; Гузаиров 2012а; Гузаиров 2012б].
- См. пушкинскую выписку, озаглавленную «Взятие Ильинской крепости»: «Заева, лекаря Егерсона и многих офицеров изрубили и искололи, ряд<овых> и унд<еров> и кап<алов> чел<овек> 200 убили, а кап<итана> Башарина, прап<орщика> Воронова и остальных погнали в означ<енную> тат<арскую> деревню. Пугачев велел пред себя привести кап<итана> Камешкова, да прап<орщика> Воронова, да сотника каз<ачьего> и спросил: зачем вы шли на меня, на вашего государя. На что Кам<ешков> и Вор<онов> отвечали: ты нам не госуд<арь>, а у нас в России г<о>с<у>дарыня имп<ератрица> Ек<атерина> А<лексеевна> и наслед<ник> цес<аревич> П<авел> П<етрович> — а ты самозванец и Бунтовщик. — Пугачев приказал их тут же повесить; потом привели к нему кап<итана> Башарина, и Пугачев не сказав ему ничего, велел было его повесить, но солд<аты> чис<лом> 30, просили за него, что-де он был до них добр и в солдатских нуждах их не оставлял. На что он сказал: когда он был до вас добр, то я его от смерти прощаю. — И велел ему и солда<там> остричь волосы по-казацки, а раненых, чел<овек> 60, отвезть в крепость» [Пушкин IX (2): 699].
- См.: «Потом привели капитана Башарина. Пугачев, не сказав уже ему ни слова, велел было вешать и его. Но взятые в плен солдаты стали за него просить. Коли он был до вас добр, сказал самозванец, то я его прощаю» [Пушкин IX (1): 36].
- Суждение Бантыша-Каменского могло основываться на историческом прецеденте. Когда в 1831 г. в военных поселениях начался бунт, солдаты, начав избиение офицеров, хотели также убить полковника Н. И. Панаева. Полковник объявил, что переходит на сторону восставших, и в какой-то момент возглавил действия бунтовщиков. Одновременно Панаев, обманывая солдат, отправил в Петербург секретное донесение о своем положении, которое было перехвачено бунтовщиками. Хитростью полковнику Панаеву удалось избежать смерти и удерживать солдат в повиновении до самого приезда императора и верных ему войск. Панаев сделал военную карьеру, дослужившись до звания генерал-майора (см.: [Эйдельман: 214–222]).

- ⁵ См. рецензию Пушкина: [Пушкин XI: 92–93].
- ⁶ Образы генералов Кара, Бибикова, Панина в *ИПБ* подробно рассмотрены в специальной работе: [Гузаиров 2012б].
- ⁷ См. из «Эпистолы к генералу Михельсону на защищение Казани» Державина: «Пусть Панину венец и блеск и звук и честь — / И, можно чем еще заслуги превознестъ, / Военный трубный глас и сладки лирны струны / Согласьем заглушат и громы и перуны. / Пускай ему триумф, восторг и торжество И сыплет русское щедроты божество: / Он душу ревностну, в отечество влюбленну, / Имея жалостью и мужеством вспаленну, / Пожарский как Москву избавить шел от бед, / Так он пошел с Москвы низвергнуть русский вред» [Державин 1866: 313].
- ⁸ См.: «Вскоре князь Голицын разбил Пугачева и, казалось, нанес бунту последний и решительный удар» [Пушкин VIII (1): 363].
- ⁹ См. отрывок из десятой главы:
Между тем собрались и прочие приглашенные. <...> «Теперь, господа», — продолжал он, — надлежит решить, как нам действовать противу мятежников: *наступательно*, или *оборонительно?*» <...> Я встал и, в коротких словах описав сперва Пугачева и шайку его, сказал утвердительно, что самозванцу способа не было устоять противу правильного оружия. <...> Наконец генерал, выслушав все мнения, выгребнула пепел из трубки и произнес следующую речь:
<...> я соглашаюсь с большинством голосов, которое решило, что всего благоразумнее и безопаснее внутри города ожидать осады, а нападения неприятеля силой артиллерии и (буде окажется возможным) вылазками — отражать [Пушкин VIII (1): 339–340].
- ¹⁰ Не отменяя предложенного объяснения, А. А. Долинин и А. Л. Осповат в частной беседе указали на возможность иной интерпретации: Михельсон незавуалированно представлен в КД, так как он не соприкасается с вымышленными героями, находится вне сюжетной коллизии. Предложенная статья продолжает цикл работ, посвященных комментированию «Истории Пугачевского бунта» А. С. Пушкина. См.: [Гузаиров 2010а; Гузаиров 2010б; Гузаиров 2011; Гузаиров 2012а; Гузаиров 2012б].

Литература

- Бантыш-Каменский — *Бантыш-Каменский Д.* Словарь достопамятных людей русской земли <...> известных по участию в событиях Отечественной истории: В 5 ч. М., 1836. Ч. 4.
- Гузаиров 2010а — *Гузаиров Т.* Новое качество фактов: из комментариев к «Истории Пугачевского бунта» // Пушкин и время: Сб. статей. Томск, 2010. С. 100–110.
- Гузаиров 2010б — *Гузаиров Т.* «Клок бороды»: исторические события и художественный образ в пушкинской «Истории Пугачевского бунта» // Соп атоге. Историко-филологич. сб. в честь Любови Николаевны Киселевой. М., 2010. С. 137–146.
- Гузаиров 2011 — *Гузаиров Т.* Повести о Пугачеве в структуре «Истории Пугачевского бунта» // Пушкинские чтения в Тарту, 5: В 2 т. Тарту, 2011. Т. 1. С. 145–153.
- Гузаиров 2012а — *Гузаиров Т.* Случайные факты и непредсказуемые смыслы: вопрос к «Истории Пугачевского бунта» // (Не)музыкальное приношение, или *Allegro Affettuoso*. Сб. в честь 65-летия Б. А. Каца. СПб., 2013. С. 212–219.
- Гузаиров 2012б — *Гузаиров Т.* «Simplicité niaise» А. С. Пушкина: выбор и организация фактов в «Истории Пугачевского бунта» // *Pushkin Review* / Пушкинский вестник. Vol. 15. 2012. P. 1–12.
- Державин 1866 — *Державин Г. Р.* Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1866. Т. 3. Стихотворения. Ч. III.

Лотман — *Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб., 1995.

Оренбургская энциклопедия — Оренбургская Пушкинская энциклопедия: Путешествие-1833; Реалии «Истории Пугачева»; Прототипы «Капитанской дочери»; Исследователи и интерпретаторы / Авт. и сост. Р. В. Овчинников, Л. Н. Большаков. Оренбург, 1997.

Осповат — *Осповат А. Л.* Исторический материал и исторические аллюзии в «Капитанской дочке»: Статья первая // Тыняновский сборник. Вып. X. М., 1998.

Пушкин — *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1959.

Эйдельман — *Эйдельман Н.* Секретная династия. М., 2006.

Эткинд — *Эткинд Е. Г.* Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М., 1999.

ЛОТМАНОВСКИЙ СБОРНИК

4

О·Г·И
Москва 2014